

РѢКА ШЕКСНА И ЕЯ ОКРЕСТИСТИ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНИИ.

ГРИВЫ И БОЛОТА ШЕКСНИНСКИХЪ ОКРЕСТИСТЕЙ. ЧЕРЕЗПОЛОСНЫЯ НЕРАЗМЕЖЕВАННЫЯ ДАЧИ И ХОЗЯЙСТВО НА НИХЪ. НА ЧТО БЫ СЛѣДОВАЛО ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ШЕКСНУ. ЛОГОВИЩЕ И БЕРЕГА ШЕКСНЫ. ВЕСЕННИЕ РАЗЛИВЫ И ОХОТА ПО ВЕСНѢ.

Вся плоская низменность шекспинскихъ окрестностей покрыта лиственнымъ лѣсомъ. Породы его раздѣляются на двѣ половины: одна принадлежитъ гривамъ, другая болотамъ. На гривахъ, въ довольно частомъ насыщенніи, растетъ осина, встрѣчающаяся то отдѣльными осталицами двадцати-саженевыхъ деревьевъ, то густыми рощицами ровнаго и прямаго лѣса, выбѣгавшаго послѣ недавнихъ порубокъ. Береза находится въ смѣшаніи съ мелкимъ осинникомъ, тоже небольшими полростками и изрѣдка отдѣльными особями старыхъ, толстоствѣнныхъ дерёвъ. Липа заселяетъ непроходимою чащею їдѣшипія гривы, распространяясь по нимъ мелкою подросью, каждогодно истребляемою въ огромнѣйшемъ количествѣ на лыки для лаптей и корзинокъ. Рябина и черемха встречаются нѣсколько рѣже; дубъ, вязъ и клёнъ мелкорослы, приземисты, съ большою дряблостію, обозначающею уже болѣзненное развитіе этой породы лѣса, обѣщающей со временемъ совершенно исчезнуть съ лица шекспинскихъ окрестностей. Кустарниковые породы состоять изъ малины, расту-

Отд. VI.

1309273

щей, преимущественно на пожогахъ, черной смородины, шиповника и мѣстами жимолости. На гривахъ верхній слой почвы, ежегодно удобриваемый листвою липы и другихъ дре-весныхъ породъ чернолѣсся, состоитъ изъ тучного разсыпчатаго мергеля, дающаго превосходные урожаи тому заботливому землевладѣльцу, который не польнится сдѣлать росчисть подъ косулю. Немаловажное, однакожъ, дѣло—подобная росчисть. Это не то, что рубить подсѣку въ хвойномъ лѣсу, кореняя котораго не глубоки и горизонтальны. Здѣсь на каждый дубовый пень, рѣдкой сидящій въ землѣ, тратится множество силъ и труда, не говоря уже о мелкой зарослѣ липняка, о раскидистой осинѣ и вѣтвистыхъ, точно протянутые веревочные жгуты, вязовыхъ кореняхъ. Болота, окружающія и во многихъ мѣстахъ прорѣзывающія грибы, покрыты довольно густо ольхой, березой, изрѣдка ивой, черемхой и ильшай. Въ здѣшнихъ болотахъ встрѣчается множество росплавей и маленькихъ озеръ, затянутыхъ водорослями, пловучими островами и трясинами. При основаніи ольховыхъ и иловыхъ деревъ, главной растительности здѣшнихъ болотъ, существуютъ высокія земляныя возвышенія, въ которыхъ прячется корень дерева. Такія возвышенія называются *коблюхами* или *кубрями*. Они служатъ домовищемъ хорька, норки и горностая. Охотники, промышляющіе этими звѣрками, въ осеннее время постоянно бродятъ по болотистымъ кубрямъ съ простою русскою собакою, доставая ежегодно этою охотою рублей по 20—30 серебр. на человѣка. Между коблюхами растутъ торфяныя высокія кочки, съ косматою осокою, до того не твердая въ основаніи, что сгибаются въ ту же минуту, какъ только на нихъ встанешь. Въ помочливое лѣто по болотамъ всегда бываетъ достаточное количество воды, представляющей хорошее укрывательство для утиныхъ выводковъ и линяковъ, избѣгающихъ, въ этомъ случаѣ, роковой остроги дичеистребителя. Такія болотныя пространства часто различались прибрежными жителями подъ сѣнокосы. Сильные перевалы воды, существующіе при раз-

ливахъ Шексны, илистыми наносами замывали кочки, выравнивали всѣ углубленія и со временемъ изъ-подъ болотной росчисти получался ровный, гладкій лугъ, съ богатою густою травою. Множество надѣлано такихъ росчистей около села Краснаго, деревни Воятицъ, Верхняго и Нижняго Березова, и деревни Вороны. Это самыя богатѣйшія травянистыя мѣста по всей Шекснѣ, продовольствующія сѣномъ Мологу, Рыбинскъ, Понехонье и половину комплекта коново-дескихъ лошадей, участвующихъ въ тягѣ судовъ по маринской системѣ. Цѣны на сѣно стоятъ разныя, сообразно урожаямъ, времени года и судоходственной дѣятельности. Бывали года, что то сѣно, которое осенью продавалось отъ 9 до 12 коп. за пудъ, весною вдругъ дѣжалось по 35 коп. серебр. за пудъ.

Въ свое время шекснинскій лѣсъ славился свою великорослостію, объемистыми и прямыми, какъ стрѣла, дубами чудными, въ нѣсколько обхватовъ толщины, осинами и цѣлыми рощами могучихъ березъ, годныхъ на самыя лучшія подѣлки. Настоящее состояніе его далеко не таково. Березовые рощи остались въ памяти народа только по названию урочищъ, на которыхъ красовались когда-то, а о исполнинахъ-дубахъ скоро бы и память исчезла, еслибъ не находили изрѣдка обломковъ ихъ на глубинѣ при-шекснинскихъ озеръ и иногда въ самой Шекснѣ, почернѣвшихъ отъ воды и времени, и убѣдительно доказывающихъ богатую растительность прежнихъ временъ. На нашей памяти многія лѣсныя гривы при-шекснинскихъ окрестностей, когда-то богатыя березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, и изобилующія лѣсною дичью, до того истреблены и обезображены, что теперь съ трудомъ можно узнать самую мѣстность, на которой росъ лѣсъ, и по жалкимъ остаткамъ, плохо оправдывающимъ въ настоящее время даже название лѣса, нѣть возможности сдѣлать десяти шаговъ: до того все захламлено, завалено вершинникомъ и за даромъ срубленными толстоствольными осинами.

Невозможно было и не потерпѣть такого крушения здѣшнимъ лѣсамъ: дачи, въ которыхъ они находились, очень недавно вышли изъ общаго черезполоснаго владѣнія, изъ-подъ этого страшнаго и раззорительнаго бича, подъ которымъ нѣтъ никакихъ средствъ для охраненія поземельной собственности. Къ несчастию, еще не всѣ при-шекснинскія владѣнія достигли благодѣтельнаго размежеванія. Намъ очень хорошо известна одна дача, занимающая одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ на Шекснѣ, съ превосходными полями и покосами, съ чудными рыбными ловлями и лѣсомъ на сплавѣ, но жестоко бѣдствующая отъ самоуправства и неурядицы общаго владѣнія и черезполосицы. Это—село Красное, съ окружными деревнями (*). Несколько лѣтъ тому назадъ, лѣсъ въ этой дачѣ не былъ воспрещенъ владѣльцами на срубку для продажи, не смотря на то, что она находилась въ общемъ владѣніи. Крестьяне, руководствуясь такими наивными льготами на пользованіе лѣсомъ, истребляли его гдѣ кому вздумалось и сколько кому хотѣлось, платя имъ подати, и помѣщику оброкъ, справляя и праздники, которые, къ слову сказать, очень часты у при-шекснинскаго мужичка. Странно, что при такомъ неограниченно-свободномъ пользованіи лѣсомъ, не развились никакой исключительной промышленности у Красносельцевъ и никакого не обогатилось ихъ положеніе. Откупныя дѣла по городу Мологѣ шли только лучше, по жизнь крестьянь велась какъ-то очень плохо, съ большими нуждами, какъ и теперь, не смотря на довольно цѣнныій сбытъ лѣса въ видѣ дровъ, солани, кощевинка и жердей, и на грибыльность коноводскихъ работъ, существующихъ по шекспинскому судоходству. Свободное пользованіе лѣсомъ продолжалось такъ долго, что помѣщики крестьяне имѣли понятіе о немъ, какъ

(*) Извлеченіе изъ этой статьи о состояніи черезполосной дачи села Краснаго сообщено было нами, въ началѣ прошедшаго года, подъ буквами А. Т—ровъ, въ „Указателе Политико-Экономической“.

о своей неотъемлемой собственности, и когда владѣльцы, схватившись за умъ, съ общаго согласія, воспретили рубку на продажу, долго не хотѣли вѣрить крестьяне въ законность этого воспрещенія, и много было возни съ самовольными порубками, дѣлаемыми въ явь.

Немнogo, однакожъ, принесло пользы воспрещеніе. Въ настоящее время существующіе порядки въ красносельской да-чѣ не лучше прежнихъ. Свободный вѣзѣдъ въ лѣса, не вос-прещенный крестьянамъ для домашняго своего обихода: для отопленія избъ, для сушки овиновъ, для жердей на огороды и проч., оставляетъ не менѣе безпощадные слѣды его истребленія, потому что производится безпорядочно, безъ всякаго надзора и притомъ со множествомъ плутней, которыя ускользаютъ отъ законнаго преслѣдованія владѣльцевъ, при снисходѣніи членовъ земской полиціи, устроившей въ этомъ случаѣ очень ловко взаимное отношеніе между карманами виновныхъ и своими. Подъ видомъ домашнихъ нуждъ оброчныя крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ отдаленно, рубятъ лѣсъ на сбытъ и тайно сплавляютъ его подъ чужими билетами въ Рыбинскъ и Ярославль. Сколько разъ слу-чалось намъ видѣть огромнѣйшія полѣнницы березняка, для виду складенные около овиновъ, на овинники для сушки хлѣба, но имѣющія со всѣмъ другое назначеніе: это заго-твленное для себя добро спровоживается въ тихомолку при первой возможности въ продажу на пароходы или куда слу-чится. А сколько истребляется молодой подросли липы на лыко для лаптей, развозимыхъ по сельскимъ рынкамъ, сколь-ко вырубается дуба, черемхи и ивы на обручи, дуги, ту-гуны для лодокъ, на колеса, полозья и ободья,—счету нѣтъ! Бывали примѣры, что въ зиму приготавлялось однимъ крестьянскимъ семействомъ по 10,000 черемховыхъ обручей, вы-рубленныхъ изъ общихъ дачъ для бочекъ на винные заводы. А производствомъ этимъ занимались въ селеніи семей шесть, семь, слѣдовательно переводъ 70,000 черемховыхъ, порядоч-но взрослыхъ деревцовъ надо положить каждогоднимъ, не

считая огромнѣйшаго расхода этой породы лѣса на древесные канаты для гонки плотовъ и рыбной ловли. Но расходъ на ветлу, или корьевину, иву особой породы, при дратіи корья, еще громаднѣе. Какъ только кончатся посывы яроваго хлѣба, бабы и дѣвки, старики и старухи, ребятишки и дѣвченки всѣхъ возрастовъ отправляются по болотамъ и бечевнику драть корье. Рѣдкое семейство не продасть потомъ рублей на 20, на 30, этого товара, идущаго въ большомъ количествѣ на всѣ кожевенные и дубильные заводы. Безошибочно можно положить, что одно Красное село, имѣющее около ста домовъ, производить каждое лѣто на 2,500 руб. сер. корья, продаваемаго въ сухомъ видѣ отъ 27 до 30 к. сер. за пудь.

Еще бы было не такъ прискорбно видѣть крушеніе лѣса отъ самихъ лѣсовладѣльцевъ (?), но всякий приватный пародъ: церковники, отставные солдаты, солдатки, мѣщане и даже со-сѣднія деревни, не входящія въ межу села Краснаго, слѣдовательно, не имѣющія никакого права на пользованіе лѣсомъ, всѣми возможными путями тащатъ чужое добро. Дача растянулась верстъ на двадцать па пять, углами вдавшись въ со-сѣдственные владѣнія и предоставивъ такою ломаною границею межей всѣ удобства для воровства и браконьерства. Охранять ее некому, потому что нѣтъ въ ней собственниковъ; дача общая, а «у семи нянекъ всегда бываетъ дитя безъ глазу».

Самое право свободнаго вѣзда въ лѣсъ для домашнихъ нуждъ отзывается удивительною беспорядочностію во всѣхъ общихъ неразмежеванныхъ дачахъ. Для рубки пѣтъ особо отведенныхъ участковъ, но предоставляется въ распоряженіе весь лѣсъ во всей дачѣ и во всѣхъ ея мѣстахъ. Въ иномъ мѣстѣ, случайно избавившемся отъ топора лѣтъ на семь, на десять, повыбѣжитъ лѣсокъ ровненькій и частый, но вдругъ вздумается пяти, шести семьямъ, именно на этомъ мѣстѣ, рубить дрова—и рубятъ, и запретить имъ этого никто не имѣеть права, потому что рубка производится для себя, на отопле-

ніе избъ и для сушки овиновъ. Еще бы сносно было, если бы рубили чисто, чтобы и сучья и вершины шли въ дѣло; но у нихъ большая часть дерева поступаетъ въ валежникъ, засоряя лѣсъ и препятствуя его росту. Сколько разъ намъ случалось видѣть—мужичку понадобится корыто, или колода аршина въ три, для этого онъ сваляетъ огромную осину, отсѣтъ отъ нея небольшой кряжъ, а остальное бросить гнить.

Еще безутѣшительнѣе, по причинамъ череззолосицы, состояніе пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій въ красносельской дачѣ. Здѣсь неурядица доходитъ въ поземельномъ владѣніи до крайнихъ предѣловъ, доводящихъ крестьянъ до печальныхъ послѣствій—отвращенія къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ. Дѣлеше полосъ дошло до такой чрезвычайной дробности, что многіе изъ крестьянъ имѣютъ пользованіе пахатными и сѣнокосными землями болѣе, нежели въ шестидесяти мѣстахъ, съ трудомъ отыскивая ихъ на двадцатипяти-верстномъ разстояніи. Возможно ли водворить порядокъ въ хлѣбопашествѣ крестьянина, пользующагося клочками, разбросанными по всѣмъ направленіямъ дачи? Навозъ вывозится не во-время, запашка производится какъ попало, безъ всякаго раченія, какъ бы поскорѣе завершить дѣло, потому что крестьянинъ, вспахавши, на скорую руку, полосу въ два аршина шириной, долженъѣхать пахать въ другое мѣсто, за нѣсколько верстъ отъ первого, гдѣ у него также есть полоса, тоже не болѣе двухъ аршинъ шириной, а тамъ въ третье, четвертое, пятое и шестое. Разѣзжая на тощихъ клячахъ по полямъ, мечась туда и сюда, крестьяне поздно кончаютъ засѣвъ, такъ что рѣдкій годъ не побивается тощей ихъ урожай морозами. Въ уборкѣ хлѣба съ полей и въ сѣнокосахъ встрѣчается то же затрудненіе въ разъединеніи силь, тѣ же изнурительныя хлопоты и трата времени въ бѣготнѣ изъ конца въ конецъ по полямъ и нивамъ. За-частую, чтобы смыть стогъ сѣна въ полтораста пудовъ, мужику приходится свозить копны въ одно мѣсто изъ десяти и даже пятнадцати разныхъ мѣсть, не рѣдко

отстоящихъ на нѣсколько верстъ другъ отъ друга. Стоить ли прилагать попеченіе о такомъ землевладѣніи? Правда, оно у Красносельцевъ и не прилагается: никогда не городятся одновременно огороды, за лугами нѣть никакого присмотра, скотъ пускается въ пахатныя поля тогда, когда они еще не у всѣхъ очищены отъ хлѣба; вслѣдствіе чего всѣ терпятъ отъ потравы, которая существуетъ въ этомъ безалаберномъ хозяйствѣ въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ. И говорить нечего о порядкахъ здѣшнихъ озимовыхъ посѣвовъ: они никогда не начинались раньше 20-го августа. Если бывають у нѣкоторыхъ крестьянъ надежды на урожай хлѣба и покосы, то это на нивахъ, расчищенныхыхъ въ разныхъ мѣстахъ красносельской лѣсной дачи. Но и къ этимъ послѣднимъ нѣть у нихъ надлежащихъ заботъ, которыя бы оправдывали хороший урожай. И это очень понятно, если принять въ соображеніе, что помѣщики и крестьяне въ черезполосной неразмежеванной дачѣ—временные владѣльцы своихъ угодій; но собственности, которая бы пошла въ потомство, они не имѣютъ. Они знаютъ, что по размежеваніи, изъ этой общей дачи будетъ принадлежать имъ часть въ извѣстномъ количествѣ десятинъ разныхъ угодій, но въ какихъ именно мѣстахъ — этого не знаютъ; следовательно, и не стараются приложить трудъ къ тому, чѣмъ владѣютъ въ настоящее время, не заботятся объ улучшениіи полей, имѣя въ виду, что не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ когда нибудь, удобренная часть земли однимъ хозяиномъ будетъ принадлежать другому. Ясно, что въ основаніи самого пользованія нѣть тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя бы заставляли хлопотать землевладѣльцевъ и печься о принадлежащемъ имъ, какъ о своей собственности, однажды на всегда за ними утвержденной.

Вообще всѣ дачи на Шекснѣ, находящіяся въ черезполосномъ владѣніи, не составляютъ для крестьянина никакой важности, особенно если пользованіе лѣсомъ не переходитъ за предѣлы домашнихъ нуждъ, въ противоположность порядкамъ красносельской дачи, находящейся на исключительныхъ

положеніяхъ неурядицы. Владѣя такою неопределенною собственностью, какова черезполосица, крестьяне не смотрятъ на нее, какъ на единственный способъ къ жизни, слѣдовательно, и не крѣпки къ ней душою, а только чтутъ ее за осѣдлость, которую она опредѣляетъ. Они, незaintересованные земледѣльческими работами, исключительную дѣятельность свою направляютъ на лоцманскіе и коноводскіе промыслы, чрезвычайно выгодные по Шекснѣ. Только наступить весна, съ первымъ же судоходствомъ и до поздней осени, оброчные крестьяне, бросая полѣвые работы и все хозяйство на руки бабъ, пускаются въ эти промыслы, никакъ не заботясь ни объ оставленномъ домѣ, ни о семье. Тамъ они зашибаютъ большія деньги, хотя отъ большихъ барышей и мало остается для дома, потому что эти промыслы сильно портятъ ихъ нравственность, служа поводомъ къ пьянству, въ которомъ отлично напрактикуются они по харчевнямъ и кабакамъ шекспинскихъ пороговъ и, возвратясь подъ свою крышу съ развитою жаждою къ вину, вносятъ въ семейство бездѣятельность и раздоръ. Изъ сотни развѣ одинъ удержится въ себѣ и при деньгахъ, у девяноста же девяти потеряется въ винномъ угараѣ голова, и легко нажитая копѣйка не улежится въ карманѣ, а непремѣнно поступить въ откупные доходы.

Если освобожденіе крестьянъ застанетъ здѣшнихъ владѣльцевъ при настоящемъ состояніи земель ихъ, то очевидно, что въ бытѣ крестьянъ Краснаго села и всѣхъ подобныхъ дачъ затруднится много тотъ благодѣтельный прогрессъ, который сулитъ намъ въ будущемъ сверженіе крѣпостнаго ига. Усадьбы составляя собственность крестьянъ, не будутъ служить главнѣйшимъ условіемъ благосостоянія ихъ, не давая полныхъ залоговъ на счастіе сельскаго поселенія; даже дѣлая поселянина хозяиномъ и собственникомъ, они не отвлекутъ его отъ бесполезнаго бродяжничества, а только дадутъ льготы къ нему, потому что крестьяне, испривлеченные поземельной собственностью, вовсе не будутъ заботиться о землѣ. Усадьбы, единственно по своей черезполосицѣ и общему владѣнію, имѣютъ

обратное значеніе, такъ что предоставленныя въ собственность крестьянъ, непремѣнно навлекутъ множество тѣхъ невыгодъ, которыхъ страшатся землевладѣльцы отъ произвольного оставленія крестьянами ихъ деревень. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ уважаться и привязать къ мѣсту тотъ трудъ, который далеко не вознаграждается? Сословіе, незаинтересованное правою потомственной собственности на воздѣлываемую имъ землю, раздробленное въ своей дѣятельности въ этомъ предметѣ на мельчайшія части, естественно будетъ отыскивать иной родъ промысла, чѣмъ очень не трудно сдѣлать при условіяхъ шекспинской мѣстности. Конецъ такому неопределенному владѣшію и недоразумѣніямъ настоящимъ и будущимъ могло бы положить размежеваніе дачи къ однимъ мѣстамъ; но множество владѣльцевъ, между которыми должна она дѣлиться, такъ несогласны между собою во взглядахъ на вещи и въ понятіяхъ о правахъ собственности, что никогда не состоится между ними полюбовнаго согласія въ дѣлѣ, и красносельская дача останется на вѣки вѣчные въ безалаберной чрезполосицѣ, если не послѣдуетъ особыхъ распоряженій къ ея раздѣлу.

Неустройство ли сельско-хозяйственного быта нашихъ крестьянъ, препятствующее всякимъ полезнымъ начинаніямъ, или просто недальновидность и неповоротливость натуры нашей, требующей серьезной подготовки, только многое полезное, изъ чего бы могли хозяйство и промышленность извлечь свои выгоды, въ шекспинской природѣ остается забытымъ. На примѣръ, намъ известно по берегамъ Шексны множество торфяныхъ озеръ и рославей, занимающихъ цѣлые десятки десятинъ земли и считающихся, по межевымъ планамъ, въ числѣ неудобныхъ угодій, но до того способныхъ къ осушкѣ, что стоить только прорыть неглубокій, въ нѣсколько десятковъ саженей длины, стокъ въ рѣку, и озеро осушено до послѣдней капли. Между рѣчкою Глухою и Шексною, во владѣніяхъ села Барка-Лутошкина и деревни Іерусалима лежитъ цѣлый рядъ такихъ озеръ. Глубина ихъ нигдѣ не превышаетъ,

въ самые помочливые годы, полутора аршина, вмѣстѣ съ тонкою тиною, состоящею изъ перегнившихъ болотныхъ растений и другихъ разложившихся органическихъ веществъ. Озера лежатъ на три съ половиною сажени выше уровня Шексны, протекающей отъ нихъ въ стасаженномъ разстояніи. При осушкѣ ихъ, тинистая вязиль составила бы верхній плодородный слой почвы и, безъ сомнѣнія, вознаградила бы незначительныя хлопоты богатѣйшими урожаями къ благосостоянію упомянутыхъ селеній; сильно нуждающихся, по малоземелью, въ сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодьяхъ. Въ настоящее время озера эти не приносятъ ни малѣйшей пользы для экономической жизни крестьянъ. Только въ осеннюю пору, для нѣкоторыхъ любителей рыбной ловли, доставляютъ они небольшое количество карасей и то мелкихъ, да подростковъ-щучекъ, вылавливаемыхъ по первому льду мордами и мережками. Во многихъ мѣстахъ около такихъ озеръ и кое-гдѣ въ берегахъ Шексны сочится красноватая вода съ голубымъ и зеленымъ отливомъ,—несомнѣнныи признакъ желѣзныхъ рудъ. Ихъ никто здѣсь не извѣдывалъ, никто не потрудился, хотя бы когда нибудь, во время досуга, попытать счастія—углубиться, по этимъ признакомъ, въ нѣдра земли. Наконецъ работы по шекснинскому судоходству—какой это важный источникъ коренного богатства для края; по по безпорядкамъ въ ходѣ этихъ работъ, по безсовѣстной потачкѣ своимъ чувственнымъ наклонностямъ, положительное перешло въ отрицательное, сдѣлавшись причиной разврата, праздности и пьянства (*). Плохо еще подгоняютъ насъ на пути къ прогрессу. Сильнѣе бы и рѣшительнѣе нуженья былъ толчокъ, который бы вдругъ выхватилъ насъ изъ сумерекъ и поставилъ бы на твердяя ноги, для полезной дѣятельности. Полно намъ топтаться въ грязи и заминать въ нее и наши силы, и дары родной природы. *Пора осушать болота!*

(*) Смот. апрѣль в май „Вѣстника Промышленности“ 1859 г., статью: „Разговоръ на станціи о судоходствѣ по р. Шекснѣ.“

До сихъ поръ обозрѣвали мы шекспинскія окрестности въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ окраины рѣки, не скавши ничего о характерѣ ея логовища. Нѣсколько словъ объ этомъ будуть здѣсь нeliшними. Вытекая изъ Бѣлоозера, Шексна пробирается сначала рѣденькими тростниками, разбросанными небольшими кучками около плоскихъ, склонившихся до уровня воды береговъ. До Череповца фарватеръ каменистъ, грунтъ болѣе песчаный, нежели глинистый, берега голы, плоски и тоже со множествомъ камней и мелкаго булыжника. Извѣстные шекспинскіе пороги: Иванова-голова, Ниловицы, Коленецъ и другіе, суть слѣдствіе каменистаго дна и огромнаго скопленія камней по сторонамъ, отчего сжимается теченіе въ узкое русло, съ необкновенною быстротою несущее воду. Окраины береговъ около пороговъ ровны и плоски, но окрестности довольно возвышенны. Отъ рѣки Суды камни по Шекснѣ рѣдѣютъ, а около пустыни пропадаютъ совсѣмъ. Отъ этого пункта Шексна течетъ въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ. Въ иныхъ мѣстахъ они поднимаются отвѣсно, какъ стѣны, представляя въ разрѣзѣ наслоенія темнокраснаго, бураго, синяго и зеленаго ила, лежащаго довольно правильными пластами; въ иныхъ покрыты густо ракитникомъ, носящимъ здѣсь название бечевника, въ тѣни которого растетъ высокій пырей, вьется ежевика, и ползетъ, какъ хмѣль, волчевина съ своими красными ягодами и красивыми копьеобразными листьями. Часто встречаются въ шекспинскихъ берегахъ *отпали*, голыя, какъ бы ободранныя мѣста, непріятно поражающія зрѣніе. Образованіе такихъ мѣстъ хорошо уясняетъ мѣстное название: ихъ зовутъ здѣсь *отполы*. Во время весеннаго разлива, въ берегу образуется продольная разсѣлина. Со временемъ берегъ отмоется по разсѣлину водою и сползетъ въ глубину вмѣстѣ съ ракитникомъ. Отъ этого произойдетъ *отполъ*, голый утесистый берегъ. До села Всесвятскаго пески по Шекснѣ очень рѣдки, если и попадаются, то не образуютъ такихъ мелей, какія бываютъ въ Волгѣ; вообще очень мелкихъ мѣстъ въ Шекснѣ нѣтъ. Отъ Всесвятскаго до Рыбинска бе-

рѣга Шексы выше и голѣе, чаще встрѣчаются пески и начинаютъ снова проворачиваться камни. Отъ большаго склона и извилистаго положенія теченіе рѣки быстрое, вода мутная, буроватаго отлива. Глинистая почва и иль шексинскаго русла придаютъ ей такой цветъ.

Въ шексинскихъ окрестностяхъ имѣютъ важное значеніе весеніе разливы. Они въ низовьяхъ Шексы распространяются, по плоской мѣстности, такъ широко, что соединяются чрезъ лощины и низменности съ разливами р. Мологи. Бываютъ го-да, въ которые полая вода достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ случаѣ много хлопотъ приноситъ она при шексинскимъ жителямъ, потому что тошитъ села и деревни, уносить огороды и холостыя здания, разбиваетъ елань, дрова, жерди, и прокращаетъ на цѣлый мѣсяцъ всякую возможность къ сухопутнымъ сообщеніямъ. Тогда скотъ со двора поднимается на повѣти, хлѣбъ перемѣщается изъ амбарныхъ застѣковъ на подволоки, посѣть яровыхъ запаздываетъ. Помочливая осень и высокое стояніе воды при замерзаніи рѣкъ, дружная весна, большиe сиѣга и сторы Волги суть главнѣйшія причины большихъ разливовъ Шексы. Особенно важна послѣдняя причина, т. е. сторы Волги. При движеніи льда по Волгѣ, силою воды надвигаетъ въ узкихъ мѣстахъ щуры (*) другъ на друга, въ иѣсколько слоевъ, запружиивая рѣку до самаго дна. Это называется *сторами*, ледяною плотиною. Такія ледяныя плотины строить Волга къ островамъ, около коихъ рѣка, раздѣляясь на два рукава, представляетъ двѣ узкія полосы воды, очень тѣсныя для прохода льда съ широкихъ мѣстъ. Преграждая свободу теченію, сторы, естественно, вдругъ возвышаютъ прибыль воды въ Волгѣ, которая, въ свою очередь, подпирая воды впадающихъ въ нее рѣкъ, обращаетъ теченіе ихъ пазы, въ голову. При шекспинскіе жители, по обратному движенію воды въ Шекснѣ и быстрому ея возвышенію, безошибочно узнаютъ о проходѣ льда по Волгѣ

(*) Щура—большая льдина.

и ея сторахъ. Тѣ же сторы льда и обратное теченіе воды удерживаютъ надолго шекспинскій ледъ. Уже Шексна выйдетъ изъ береговъ, всѣ окрестности захлебнутся разливомъ и даже лѣсъ затопится до половины его роста, а ледъ стоитъ себѣ черною лентою на своемъ мѣстѣ, тропнетъ и испаряется до тѣхъ поръ, пока вода не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ и не позоветъ его съ собою къ низу. Ярославцы, видя плывущіе мимо ихъ города, запоздавшіе и потемнѣвшіе отъ долгаго засоя щиры шекспинского льда, дѣлаютъ очень наивное предположеніе, что на Шекснѣ, должно быть, живутъ все угольники, окрасившіе своимъ ремесломъ ледъ въ черный цветъ. Можетъ быть, къ этому мнѣнію послужило поводомъ уломское производство гвоздями, но вѣдь имъ нельзѧ же зачернить весь шекспинскій ледъ, да притомъ щиры изъ Череповскаго уѣзда, въ которомъ Улома, никогда не достигаютъ Волги: ихъ растаскиваютъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ шекспинскихъ окрестностей, которыя во время ихъ хода находятся, какъ мы уже видѣли, въ затопленномъ состояніи.

Сказавши о шекспинскихъ разливахъ, кстати уже поговорить, хоть немного, и объ охотѣ, совершающей здѣсь любителями по полой водѣ, въ запрещенное, весеннее время.

Зимою, по первому снѣгу, и великимъ постомъ, по настамъ, переселяются въ лиственные при-шекспинскіе лѣса — зайцы. Вѣроятно, привлекаетъ ихъ сюда изобиліе осины и ивняка, кору которыхъ они любятъ гладить. При разливѣ — изъ низкихъ мѣстъ и болотъ, наполняемыхъ, разумѣется, прежде всего водою, сганиваетъ ихъ сперва на гривы, гдѣ они тѣснятся на самыхъ маленькихъ островкахъ. Въ этомъ злополучномъ положеніи застаютъ охотники трусливыхъ звѣрковъ, и начинается безжалостно-отвратительная бойня. Поперегъ островка плятъ тенета, съ обоихъ концовъ заводятся собаки съ загонщиками, зайцы взбуживаются, стремглавъ летятъ въ разставленныя сѣти, гдѣ и гибнутъ подъ палками шкурятниковъ. Не рѣдко слукается почтеннымъ охотникамъ набивать этимъ милымъ способомъ по 200—300 штукъ зайцевъ въ одинъ день. Мы очень

хорошо помнимъ, какъ совершили, близъ села, любители погонять зайцевъ свои экспедиціи на угольныя имы, облитыя со всѣхъ сторонъ водою, сгонявшую несчастныхъ косяковъ въ тѣсную кучу, и какъ привозили они оттуда полнехонько-нагруженныя лодки этими зѣбрими. Конечно, есть отговорка, что если не бить зайцевъ, то они перетонутъ же, потому что рѣдкій годъ не скрываетъ вода всѣхъ тѣхъ гравъ, на которыхъ потѣшаются за ними охотники; но намъ случалось не разъ видѣть, что они и спасались, перебираясь на кучи плавающаго хвороста, на колодины, даже на шекснинскій ледъ, увлекающій ихъ вмѣстѣ съ собою внизъ по теченію и нерѣдко прибывающій куда нибудь къ сушѣ.

Болѣе егарьская охота весною—это съ подъѣзда въ лодочкахъ за тетеревами-березовиками, слывущими въ народѣ подъ именемъ косачей или польниковъ. Всѣмъ извѣстно, что тетерева весною имѣютъ токи на опредѣленныхъ мѣстахъ, на которыхъ самцы слетаются для любострастнаго свиданія съ самками. Во время большихъ разливовъ, когда вода покроетъ на дальнее пространство всю сушу, тетерева, состадившись, перебираются на высокія березы и раскидистыя сучковатыя осины, и на нихъ устроиваютъ свои токовища. По утренней зорѣ, во время яровитаго бормотанья тетеревей, охотники отправляются за ними въ маленькихъ лодочкахъ, носящихъ название *подъѣздковъ*. Подъѣздаччи эти устроиваются обыкновенно изъ цѣльного осинового дерева, обтесанного въ форму челюника, выдолбленного и плоско разведенного съ помощію огня. Такимъ же способомъ устроиваются въ при-шекснинской сторонѣ и большія лодки, до пятнадцати аршинъ длиною, такъ что съ двумя набоями они въ состояніи поднять человѣкъ до семидесяти съ совершенной безопасностію на валахъ во время бури, потому что длинны и плоскодонны, не то, что волжскіе дощеники, называемые, въ отличіе шекснинскихъ лодокъ, душегубками. И такъ въ маленькомъ подъѣздачкѣ тихо подъѣжаютъ охотники, на утренней зорѣ, къ стаду польниковъ, размѣстившихся по осинамъ. Токовикъ не замѣчаетъ прибли-

жащейся опасности. Онъ, усѣвшись на самый нижній сукъ, весь погрузился въ разматриваніе самого себя чрезъ отраженіе въ водѣ, и, сердито насупившись надъ своимъ изображеніемъ, глухо токуетъ, безпрестанно повертываясь и чуякая. Первые въ стадѣ окажутъ беспокойство приватные самцы. Они начинаютъ керкать, переминаться, ходить по сучьямъ, вытягиваться и присѣдать. Это самые вѣрные сигналы къ стрѣльбѣ; еще нѣсколько секундъ, стадо снимется и улетитъ. Тетерки допускаютъ ближе, и потому въ стрѣльбѣ съ подъѣзду ихъ губится больше, вопреки всѣмъ охотничимъ соображеніямъ, предписывающимъ беречь самку весною въ ожиданіи отъ нея приплода. Надо замѣтить, что удача въ охотѣ съ подъѣзду много зависитъ отъ состоянія погоды. Въ ясную—рѣдко допускаютъ тетерева въ мѣру, особенно если они сидять кучнымъ стадомъ; въ пасмурную, тихую и теплую погоду они плотно сидятъ на деревьяхъ, схолившись и прижавшись къ древесному стволу, и допускаютъ на самое ближайшее разстояніе, такъ что охотнику случается подѣхать подъ самое дерево, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, и стадо не снимется. Охота эта очень добычлива: первѣдко случается привозить охотникамъ на одну лодочку штуку по 20 и болѣе тетеревей, изъ коихъ непремѣнно двѣ, три самки. Въ маленькую воду въ подъѣздѣ къ польникамъ очень мѣшаеть чаща лѣса, чрезъ которую приходится иногда пробираться охотникамъ; но въ большую—это препятствіе совершенно устраивается, потому что изъ воды видны однѣ только верхушки небольшаго лѣса, составляющаго густой подѣдъ, а иногда онъ и совсѣмъ скрывается подъ водою, лишь осины да березы, среди безграничного кругозора, высится надъ разливомъ своими шапкообразными вершинами.

На гризахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, где есть рѣчи, и если они еще не затоплены водою, то на нихъ собираются дупеля и устроиваютъ свои токи. Съ невозмутимымъ хладнокровiemъ безчисленѣйшее множество населяется этой прелестной дичи въ пору ихъ спаривания, въ этомъ безсознательномъ чаду

брачныхъ соединеній, когда бы и законъ, и совѣсть должны были остановить сокрушающую руку охотника. Не понимаемъ, что за удовольствіе убивать дичь, которая, вся принадлежа страсти, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія къ самосохраненію, бѣгаетъ подъ ногами и не боится выстрѣловъ. Къ несчастію, стрѣльба дупелей на токахъ распространена очень широко. Изъ писемъ Сѣверянина, печатанныхъ въ «Русскомъ Дневникѣ», видно, что она свирѣпствуетъ, какъ эпидемія, даже въ Вологодской губерніи, производя быстрое уменьшеніе этой дичи. Но въ Костромской губерніи, около озеръ, по-границыхъ Даниловскому уѣзду, поступаютъ еще лучше: тамъ ловятъ дупелей весною на токахъ петлями и сѣтями, уничтожая этимъ страшное ихъ множество.

Едва начнетъ убывать вода, около 26-го апрѣля, или въ первыхъ числахъ мая, длиными вереницами потянутся гуси по направлению къ Бѣлоозеру. Первые стаи летятъ не останавливаясь; но какъ только покажутся изъ-подъ воды на поляхъ островки съ прошлогоднею живою, взъерошенной разливомъ, гуси сейчасъ же дѣлаютъ ихъ своими остановочными пунктами, безчисленными стадами спускаясь для отдыха и ночлега. Не рѣдко стадо кочуетъ по такимъ островкамъ дnia три и четыре, перелетая съ одного на другой и выбирая мѣста открытые, чтобы издалека замѣтать всякую опасность. Но лишь только отъ убыли воды островки начинаютъ соединяться и образовывать поле, стада гусей рѣдѣютъ, мало останавливаются для отдыха, дѣлаются чрезвычайно осторожны и наконецъ вмѣстѣ съ слитіемъ воды, совсѣмъ оставляютъ шексинскія окрестности. Въ добычу охотникамъ пролетныхъ гусей достается немного. Голыя мѣста, которыя они преимущественно избираютъ своимъ становищемъ, и чрезвычайная осторожность гусей дѣлаютъ эту охоту утомительную и мало-добычливою; но за то достаточное количество истребляется ихъ крестьянами посредствомъ простыхъ заячьихъ капкановъ. По живѣ, около самой воды, на тѣхъ островкахъ, где преимущественно любятъ приставать гуси, разставляютъ капканы,

искусно прикрывая землею и жнивою. Гуси, бродя и щелучи мутную воду, попадаютъ въ нихъ лапой, а иногда и головой. Особый родъ честнаго промысла.

Всякой другой дичи: журавлямъ, куликамъ разныхъ породъ, бекасамъ, уткамъ всевозможныхъ видовъ, куропаткамъ, вальдшнепамъ, тоже конечно спуску не даётся. Всего же больше страдаютъ здѣсь несчастные курохтаны. Эти миловидныя птички показываются въ при шекспинскихъ окрестностяхъ огромнѣйшими стадами на убыли воды, по заплескамъ; но не на жнивахъ, не на мѣстахъ, гдѣ прошедшаго года быль хлѣбъ, а на луговыхъ островкахъ любятъ онѣ бѣгать по земляной травѣ, около самой воды. Въ лодкѣ допускаютъ онѣ близко, и при этомъ всегда сгруживаются, такъ что за одинъ выстрелъ изъ широкаго ружья легко положить ихъ штукъ десять. Замѣчательно, что курохтаны здѣсь не долго держатся, и со слитiemъ воды скрываются до слѣдующей весны—неизвѣстно куда.

Ф. Арсеньевъ.